

Е.В. Проткова

Экономические, социальные и демографические аспекты низкой рождаемости в Республике Корея в XXI в.

Аннотация. Институт семьи в развитых странах сильно изменился за последние 50 лет в связи с такими глобальными явлениями, как эмансипация, глобализация, индустриализация, урбанизация и изобретение противозачаточных средств. Особый интерес в этом плане представляет Республика Корея, которая в 2022 г. второй раз подряд стала страной с самым низким уровнем рождаемости. Цель данной работы — проанализировать, каким образом экономические, демографические и социальные факторы влияют на естественный прирост населения в Республике Корея. Анализ показал, что меры правительства по стимулированию рождаемости малоэффективны, так как не могут в достаточной мере удовлетворить потребности молодой семьи. Финансовая нестабильность, высокая конкуренция истощают население, что приводит к отказу от рождения детей, а патриархальная корпоративная культура и устаревшие представления о семейной жизни давят на женщин, вынуждая их выбирать между карьерой и браком.

Ключевые слова: Республика Корея, демографическая политика, социальная культура семьи, низкая рождаемость, социология.

Автор: Проткова Елизавета Васильевна, бакалавр востоковедения, выпускница НИУ ВШЭ Школы востоковедения. ORCID: 0009-0001-7356-5737, контактный mail: evprotkova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Проткова Е.В. Экономические, социальные и демографические аспекты низкой рождаемости в Республике Корея в XXI в. // Корееведение. 2024. № 1 (6). С. 50—65. DOI: 10.48647/ICCA.2024.61.49.006.

E.V. Protkova

Economic, Social, and Demographic Aspects of Low Birth Rates in the Republic of Korea in the 21st Century

Abstract. The institution of the family in developed countries has undergone significant transformations over the past five decades, influenced by global phenomena such as emancipation, globalization, industrialization, urbanization, and the advent of contraception. The Republic of Korea stands out as a prime example of this evolution, experiencing the lowest birth rates in the last two years. This study aims to analyze the influence of economic, demographic, and social factors on natural population growth in the Republic of Korea. The analysis reveals that government initiatives aimed at boosting birth rates have proven ineffective, as they fail to adequately address the needs of young families. Financial instability and intense competition deplete the population, discouraging childbirth, while patriarchal corporate cultures and antiquated notions of

family life impose pressures on women, compelling them to navigate between career and marriage.

Keywords: Korean studies, demography, family studies, low fertility rate, sociology.

Author: Elizaveta V. PROTKOV, research assistant, Center for Korean Studies, Institute of China and contemporary Asia, RAS. ORCID: 0009-0001-7356-5737. E-mail: evprotkova@mail.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Protkova E.V. Ekonomicheskie, social'nye i demograficheskie aspekty nizkoj rozhdamosti v Respublike Koreya v XXI v. [Economic, Social, and Demographic Aspects of Low Birth Rates in the Republic of Korea in the 21st Century]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 1 (6): 50—65. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.61.49.006.

Введение

Социальная культура — это внутренняя среда социальной группы, в которой приобретает практический опыт, формируются убеждения, привычки и знания людей [Скворцов, 2012, с. 91—94]. Она представляет собой исторически обусловленную систему форм межличностного взаимодействия, духовные и материальные ценности индивида, а также регулирующие их правила и нормы.

Семья, в силу своей воспитательной и интеграционной функции, является основой общества. Социальная культура семьи оказывает фундаментальное влияние на развитие личности. Ценности, которые она закладывает, влияют на восприятие индивидом окружающей действительности и взаимодействие с ней. С этой точки зрения социальная культура — главный фактор стабилизации и развития государства, она играет большую роль в обеспечении социального благополучия человека и общества [Мерзлякова, 200, с. 97—100].

Последние полвека стали временем беспрецедентных изменений в мировом сообществе. Сексуальная революция и развитие средств контрацепции стали «поразительным выигрышем в эффективности человека» [Davis, 1945, p. 1—11], потому как высвободилось огромное количество энергии, которое до этого тратилось на рождение и воспитание детей.

Традиционные представления о жизни сменяются идеями постмодерна — превалированием индивидуальных ценностей над коллективными, предпочтением «свободной» жизни семейной, появлением альтернативных форм брака и идеологии «чайлдфри». В связи с этим на первый план социальной повестки во многих развитых странах выходят демографические проблемы.

Особый интерес в этом плане представляет Республика Корея (РК), которая в 2023 г. в третий раз подряд стала страной с самым низким уровнем рождаемости [MacroTrands: South Korea Birth Rate 1950—2023]. Согласно данным ООН, рождаемость в РК составила 6,8 детей на 1000 человек [United Nations: World Population Prospects].

Анализ проблем социальной культуры в корейских семьях позволит углубить понимание причин демографического спада и социальных процессов, происходящих в РК.

Цель данной работы — выявить и обобщить проблемы социальной культуры семьи в связи с падением уровня рождаемости. Особое внимание уделяется влиянию экономических и социальных факторов на институт семьи, а также изучению политики РК в сфере поддержки семей с детьми.

Историография

При изучении структуры семьи в Республике Корея в 90-х годах XX в. мы опирались на материал диссертации Чан Хёнсоба *Modernization and changing family structure in Korea* [Chang Hyun-Seob, 1993]. Работа была написана в 1993 г.; анализ вопросов развития корейской семьи, представленный в ней, даёт полное представление о корейском обществе. Автор подробно описывает структуру традиционной корейской семьи и объясняет, какие факторы повлияли на её изменение.

Пак Чонсо в своей работе «Особенности изменений в структуре корейских семей и последствия для политики» [Пак Чонсо, 2020], опираясь на статистические данные, описывает, как изменилось корейское общество в период с 1990 по 2020 г. Он делает особый упор на роль домохозяйств, что позволило нам сделать выводы о преобразованиях в структуре семьи.

Ким С. и Финч Дж. [Kim S., Finch J., 2002] в своей работе «Living with Rhetoric, Living against Rhetoric: Korean Families and the IMF Economic Crisis» описывают влияние финансового кризиса 1997 г. на домохозяйства и социальную культуру семьи.

Социальные процессы в РК рассматривали такие исследователи, как Нисимура Ч. и Квон Х. [Nishimura J., Kwon H., 2016], Ким Б. [Kim B. et al., 2016].

Нисимура Ч. и Квон Х. сравнили отношение к материнству в Японии и Республике Корея, а также возможности, предоставляемые матерям рынками труда в этих странах. Ким Б. проанализировала интервью, взятые у незамужних кореянок с разным уровнем образования из разных социальных слоёв, и выделила основные тенденции в их отношении к браку и деторождению.

Данные о политических преобразованиях, направленных на поддержку молодых семей, социальных программах для пожилого населения и развития инфраструктуры для детей дошкольного возраста взяты из докладов и политических обзоров OECD, KICCE (Korean Institute of Childcare and Education), Korean Policy Briefing (кор. *Тэханмингук полисибырипхин*).

В качестве источников для настоящей работы были использованы статистические данные ООН, KOSIS, KOSTAT; а также материалы, опубликованные на официальной странице Министерства здравоохранения Республики Корея.

В работе использован комплексный подход с применением институциональной, системной, девелопменталистской и феминистической теорий.

Экономические аспекты

Согласно отчёту Jeffries Financial Group, Республика Корея — одна из самых дорогих стран в мире для того, чтобы растить детей¹. Korea Institute of Child Care and Education собрали информацию о стоимости воспитания ребёнка в РК, опросив 1933 домохозяйства.

В результате исследования было выявлено, что в 2021 г. средние ежемесячные расходы на ребёнка до 12 лет составили 1 млн 196 тыс. вон, при среднем доходе 4 млн 856 тыс. вон [A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (IV)]. Это был самый высокий показатель, зафиксированный с начала проекта в 2018 г. При этом траты на учеников младших классов были больше, чем на младенцев или дошкольников.

80,5 % всех дошкольников посещали учреждения по уходу за детьми: детские центры (66 тыс. вон/мес.), детские сады (132 тыс. вон/мес.), учебные центры неполного или продлённого дня (856 тыс. вон/мес.) [A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (IV)].

Дети младше шести лет также посещали курсы дополнительного образования, такие как культурные и учебные центры, индивидуальные или групповые занятия с репетитором. В среднем в месяц домохозяйства тратили на внеклассную активность детей 198 тыс. вон [A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (IV)].

Расходы на школьников превышают расходы на дошкольников. Среднее образование в РК бесплатное, однако гонка по подготовке к поступлению в университет часто начинается с самого первого класса: дети из 84 % домохозяйств посещали дополнительные учебные курсы, расходы на которые составляли в среднем 244 тыс. вон в месяц [A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (IV)]. Данные, собранные STATISTA, показывают, что в средней и старшей школе домохозяйства в месяц тратят от 100 тыс. до 600 тыс. вон на частное образование, в зависимости от уровня дохода [Average monthly expenditure on private education per student in South Korea in 2022, by household income].

Эта «учебная лихорадка» связана с надеждами родителей на то, что дети поступят в хороший университет, ведь именно это обеспечит им стабильное рабочее место и хорошую зарплату.

У родителей почти нет возможности прийти в себя после рождения ребёнка: плотный рабочий график и одержимость образованием вынуждают отдавать ребёнка в студии развития, группы продлённого дня и детские центры с малых лет. С поступлением ребёнка в школу расходы на дополнительные занятия только увеличиваются, при этом потребности самого ребёнка также становятся более дорогостоящими. В связи с этим молодым семьям, которые решаются на рождение ребёнка, необходима всесторонняя поддержка государства.

¹ South Korea is the most expensive country to raise kids // The Thaiger. URL: <https://thethaiger.com/news/world/south-korea-is-the-most-expensive-country-to-raise-kids> (дата обращения: 07.04.23).

Демографическая политика РК по увеличению рождаемости

Меры по борьбе с низкой рождаемостью начали предприниматься ещё в середине 2000-х годов. В Первом базовом плане по вопросам низкой рождаемости и старения населения (2006—2010) были предусмотрены меры по поддержанию баланса между работой и личной жизнью, такие как финансовая поддержка малообеспеченных семей с детьми или защита прав работников на материнство и отпуск по уходу за ребёнком [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

В частности, в 2009 г. было введено пособие по домашнему уходу за детьми для семей, которые не обращались к сторонним учреждениям за помощью в воспитании ребёнка. Изначально пособие выдавалось детям до 24 месяцев, но позднее список реципиентов был расширен до 86 месяцев. Размер пособия — 200 тыс. вон [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

Другие меры включали финансовую поддержку в лечении бесплодия и медицинскую помощь беременным женщинам.

Второй базовый план (2011—2015) предусматривал введение бесплатных услуг по уходу за детьми для всех семей, независимо от уровня дохода [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society]. Главным достижением этого плана стало введение учебного плана «Нури».

В 2011 г. правительство ввело «Общие курсы для детей от пяти лет», а в 2012 объявило об учебном плане «Нури» для детей от трёх до пяти лет» (англ. Nuri Curriculum for 3 to 5-year-old). Это бесплатное образование, предоставляемое как в детских садах, так и в центрах для ухода за детьми с целью обеспечения равных возможностей для всех дошкольников [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society]. Главными достижениями программы можно назвать повышение востребованности детских садов и детских центров, а также сокращение разрыва в уровне образования детей, посещающих эти учреждения [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

Детские сады и центры по уходу за детьми отличаются возрастом принимаемых детей, продолжительностью рабочего дня, стоимостью посещения и образовательной программой.

Детские сады находятся под ведомством Министерства образования, в них принимаются дети от трёх до пяти лет. В учреждении они проводят около 4—5 часов, полностью следуя учебному плану «Нури» (260 тыс. вон); после этого начинаются отдельные внеклассные занятия, у которых своя программа (50—70 тыс. вон) [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

Детскими центрами занимается Министерство здравоохранения и социального обеспечения, туда принимаются дети от нуля до пяти лет. Рабочий день составляет 12 часов (7:30—19:30). Имеется группа продлённого дня. Плата разная в зависимости от возраста, все расходы субсидируются государством. Для детей до двух лет предлагается стандартная программа по уходу за ними, для детей от трёх до пяти лет — учебный план «Нури» [ECEC Statistics of Korea: Services, Enrollment, Workforce, and Financial Resources]. Большая часть центров по уходу за детьми — частные (86 %) [ECEC Statistics of Korea: Services, Enrollment,

Workforce, and Financial Resources]. Существуют такие детские центры, как: дневные, корпоративные, детские центры при офисах и др.

Несмотря на усилия правительства по созданию государственных учреждений по уходу за детьми, спрос намного превышает предложение: только 17 % детей были прикреплены к какому-либо заведению [Childcare statistics, 2020], и своей очереди приходилось ждать в среднем 7—8 месяцев [Lee J. W. et al., 2018].

Третий базовый план (2016—2020) был направлен на повышение уровня жизни семей за счёт предоставления льгот на покупку жилья и образования. В 2018 г. было введено пособие на детей в возрасте от нуля до пяти лет, но возраст, до которого домохозяйство имело право получать эти деньги, постепенно увеличивался и достиг восьми лет в 2022 г. Другие меры включали поддержку интеграции на рынке труда и разработку внешкольной программы [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

В 2019 г. была проведена реформа учебного плана «Нури». Теперь содержание курсов сосредоточено на более плавном переходе от детского сада к школе при большем акценте на игровой, а не образовательный компонент [Understanding the 2019 Revised Nuri Curriculum].

При правительстве Мун Чжэ Ина был принят Четвёртый базовый план по вопросам низкой рождаемости и стареющего населения (2021—2025), который заключался в финансовой помощи по уходу за ребёнком. В 2021 г. была введена система, по которой родители могли выбрать, в какой форме они хотят получать помощь от государства: они могли воспользоваться центрами по уходу за детьми, а могли выбрать домашний уход. В первом случае родителям выдавался ваучер (280—500 тыс. вон в месяц в зависимости от возраста), услуги центра субсидировались государством. Во втором случае деньги выдавались напрямую родителям (100—200 тыс. вон в зависимости от возраста) [The Change in the Cash Benefit System for Families with Infants according to the Introduction of Parental Benefits in Korea].

В 2022 г. в рамках вышеописанной системы было введено пособие на младенцев. Родители детей, возраст которых не превышает одного года, стали получать 300 тыс. вон в месяц на ребёнка, услуги детских учреждений для них не субсидировались. В остальном система не изменилась.

Правительство Юн Сок Ёля объявило об отмене пособий на младенцев и о введении родительских пособий. В 2023 г. ежемесячно выплачивалось 700 тыс. вон (примерно 40 тыс. руб.) на ребёнка до достижения им одного года и 350 тыс. вон (примерно 21 тыс. руб.) на годовалого ребёнка; услуги детских учреждений для этих двух возрастных категорий не субсидировались [The Change in the Cash Benefit System for Families with Infants according to the Introduction of Parental Benefits in Korea]. Родители детей от двух до семи лет могли выбрать между ваучером на услуги центров по уходу за детьми (280—360 тыс. вон в месяц) или деньгами на домашний уход (100 тыс. вон в месяц).

Начиная с 2024 г. пособие размером 1 млн вон (примерно 60 тыс. руб.) стало выдаваться ежемесячно домохозяйствам, в которых есть ребёнок возрастом до года [The Change in the Cash Benefit System for Families with Infants according to the

Introduction of Parental Benefits in Korea]. Эти меры предлагаются в качестве компенсации за потерю дохода, связанного с рождением ребёнка.

Помимо этого ваучер на медицинские услуги для беременных, размер которого в 2021 г. составлял 600 тыс. вон (примерно 30 тыс. руб.), в последующем году был увеличен до 1 млн вон (примерно 60 тыс. руб.) [President Yoon's government policies for enhancing child-rearing]. Также после рождения ребёнка мать стала получать единовременную выплату в размере 2 млн вон (примерно 120 тыс. руб.), которая называется «ваучер первой встречи» [President Yoon's government policies for enhancing child-rearing].

В Республике Корея принято посвящать всё своё время домашнему уходу за ребёнком в течение одного или двух лет после его рождения. В стране есть официальный декретный отпуск для матерей (кор. *чхульсанчонхухюга*), но он длится 90 календарных дней, из которых 45 дней должны прийти на период после рождения ребёнка [Kim H., Shin E., 2021]. Первые 60 дней оплачиваются за счёт предприятия, в котором работает мать (100 % от зарплаты), следующие 30 дней оплачиваются за счёт Фонда страхования занятости (ФСЗ) (100 % от зарплаты, макс. 2 млн вон) [Kim H., Shin E., 2021].

Также существует декретный отпуск для отцов (кор. *пэуджа чхульсанхюга*), но он длится 10 дней и предоставляется в течение 90 дней после рождения ребёнка и может быть разделён на два периода [Kim H., Shin E., 2021].

Помимо этого, оба родителя могут взять отпуск на год в любое время до того, как ребёнку исполнится восемь лет. Он финансируется ФСЗ. Первые три месяца выплачиваются 80 % от ежемесячной зарплаты (мин. 700 тыс. вон и макс. 1,5 млн вон). Оставшиеся девять месяцев родитель получает 50 % от своей заработной платы (мин. 700 тыс. вон и макс. 1,2 млн вон). Также фирмы предлагают частичный отпуск, по условиям которого рабочее время может быть сокращено на несколько часов в день (от одного до пяти). При его сокращении на один час доход родителя остаётся прежним (макс. 2 млн вон/мес.), при большем сокращении выплачивается только 80 % от зарплаты (макс. 1,5 млн вон/мес.). В этом случае отпуск может длиться два года [Kim H., Shin E., 2021].

Для того, чтобы стимулировать отцов брать отпуск по уходу за ребёнком, проводится следующая политика: если родители берут отпуск по уходу за одним и тем же ребёнком дважды, во второй раз первые три месяца выплачивается не 80, а 100 % от заработной платы (макс. 2,5 млн вон) [Kim H., Shin E., 2021].

Для родителей-одиночек сумма выплат увеличивается: 100 % (макс. 2,5 млн вон) от заработной платы первые три месяца; 80 % (макс. 1,5 млн вон) — с четвёртого по третий месяц; 50 % (макс. 1,2 млн вон) — оставшиеся шесть месяцев [Kim H., Shin E., 2021].

До реформы 2018 г. работодатели могли отказать в отпуске сотрудникам, которые проработали на них меньше года. После реформы этот период сократился до шести месяцев. Также для получения выплат сотрудники должны застраховаться не менее чем за 180 дней до начала их получения [Kim H., Shin E., 2021].

Отпуск по уходу за ребёнком в РК является одним из самых длительных среди стран OECD [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society. OECD iLibrary]. И, тем не менее, он не пользуется популярностью среди родителей.

Например, среди матерей, родивших в 2017 г., только 23 % получали пособия от ФСЗ, а в 2018 г. отпуск взяли только 30 родителей из 100 [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society. OECD ilibrary]. Для этого есть несколько причин.

Во-первых, этих выплат часто недостаточно для того, чтобы содержать ребёнка. Начиная с 2024 г. родителям детей до года ежемесячно выдается пособие в размере 1 млн вон, следовательно, за год родители получают 12 млн вон. Им также положен единовременный «ваучер первой встречи» в размере 2 млн вон. Представим, что заработная плата матери составляет среднюю по стране — 56,4 млн вон в год [STATISTA: Average annual wage in South Korea]. При условии, что мать берёт и декретный отпуск (2 млн вон + 9,4 млн вон), и полноценный отпуск по уходу за ребёнком (1,5 млн вон × 3 + 1,2 млн вон × 9), размер выплат за год составит:

$12 \text{ млн} + 2 \text{ млн} + 2 \text{ млн} + 9,4 \text{ млн} + 1,5 \text{ млн} \times 3 + 1,2 \text{ млн} \times 9 = 40,7 \text{ млн вон}$, или 72 % от заработной платы матери. То есть мать потеряет 28 % своего дохода при значительном увеличении трат.

Следовательно, матери со средним доходом или доходом выше среднего невыгодно уходить с рабочего места, ей выгодно оставаться в офисе. Несмотря на то, что текущая (на 2023 г.) политика такова, что субсидирование центров по уходу за ребёнком предлагается только начиная с двух лет, ежемесячные выплаты (1 млн вон) покрывают расходы на центры по уходу за ребёнком (от 17 тыс. до 394 тыс. вон в зависимости от типа заведения и возраста ребёнка)¹.

Во-вторых, часть тех, кому правительственные декретные выплаты действительно помогли бы, не могут на них претендовать. Например, будущий родитель должен работать минимум полгода на своего работодателя, из-за чего некоторые работники, особенно парт-таймеры, не подходят под условия для получения выплат².

Также сотрудники, работающие по временному контракту, не решаются брать отпуск по уходу за ребёнком. Временные контракты стали популярны во время кризиса 1997 г., их использовали, чтобы избежать предоставления гарантий занятости на полный рабочий день и прав на социальное обеспечение. В те времена это было оправдано необходимостью преодоления кризиса и сохранения экономической платежеспособности. Однако эта форма контракта остаётся распространённой и сейчас [Chun J. J. et al., 2013]. Зачастую временные и штатные работники занимаются одними и теми же задачами, но их социальная защищённость находится на совершенно разных уровнях.

В 2021 г. более 30 % корейцев являлись нерегулярными работниками [Share of regular and non-regular workers in South Korea in 2021], 47,4 % из них были женщины³.

¹ Enrolling your child in a Daycare In Seoul // Expat kids Korea. URL: <https://www.expatkidskorea.com/article/enrolling-your-child-in-a-daycare-in-seoul.html#:~:text=Daycare%20centers%20in%20Seoul%20are,000%20to%20about%20KRW394%2C000> (дата обращения: 22.04.23).

² Gender inequality is still prevalent in South Korea's workplace // HRM Asia. URL: <https://hrmasia.com/gender-inequality-still-prevalent-in-south-koreas-workplace/> (дата обращения: 22.04.23).

³ Op. cit.

В-третьих, многие женщины боятся, что если уйдут в декретный отпуск — потеряют рабочее место. Несмотря на то, что официально закон защищает занятость беременных женщин, в реальности профсоюзы бессильны. В своём интервью для BBC работник налоговой службы Чхве Мунчжон поделилась личным опытом, что после того, как она объявила о своей беременности, «её начальник сделал всё, чтобы вынудить её уволиться»¹. Её случай — не единичный. Среди женщин, покинувших рабочие места в 2022 г., 43,2 % сделали это в связи с рождением ребёнка². Многие из этих женщин остались без выплат от ФСЗ и без ясных перспектив трудоустройства.

В семьях, где работают оба родителя, как правило, некому сидеть с ребёнком после школы. Согласно докладу OECD, более трети младшеклассников проводят внешкольные часы без присмотра [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society]. В связи с этим Министерство образования открыло учебные центры продлённого дня, субсидируемые государством и работающие до 17:00.

Однако они всё ещё не справляются с проблемами родителей, вызванными корейской корпоративной культурой, вследствие которой долгий рабочий день и переработки являются нормой. В связи с этим Министерство образования, Министерство здравоохранения и социального обеспечения, Министерство женщин и семьи объединили усилия, чтобы создать локальные программы, которые помогут справиться с проблемой. Например, центры совместной помощи, начавшие решение задачи с создания семнадцати пилотных программ в 2017 г., предоставляют услуги по уходу за детьми, включая временные программы и неотложную помощь, транспортировку в школу и обратно, учебные курсы и питание. В 2022 г. по всей стране насчитывалось около 1800 таких центров [Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society].

Правительство Республики Корея пытается стимулировать рождаемость путём увеличения количества учреждений по уходу за детьми. Начиная с середины 2000-х годов составляются и приводятся в исполнение Базовые планы по вопросам низкой рождаемости и старения населения, в рамках которых продвигаются льготы для многодетных семей, создаются образовательные программы, предоставляется финансовая помощь по уходу за детьми. В РК один из самых продолжительных декретных отпусков в мире, однако размер выплат и условия получения не могут полностью удовлетворить нужды граждан. Несмотря ни на какие усилия со стороны правительства, корейцы всё равно не хотят рожать детей.

Проблемы материнства

Одной из главных причин низкой рождаемости является трансформация традиционной корейской семьи. Теперь семья строится не вокруг ребёнка, а вокруг двух взрослых людей, которые хотят жить полноценной жизнью, поэтому многие

¹ *Maibin S.* Why I never want babies // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/stories-45201725> (дата обращения: 10.04.23).

² *Ibid.*

люди, особенно двадцатилетние, не считают, что рождение детей — обязательная часть брака. Данные, собранные KOSIS, показывают, что больше трети молодых людей считают наличие детей в семье необязательным (19—24 года — 43,1 %; 25—29 лет — 36,3 %) [본인 자녀의 필요성에 대한 태도, 2021]. При этом процент женщин, которые поддерживают это мнение, значительно превышает процент мужчин (женщины — 31,6 %; мужчины — 23,2 %) [본인 자녀의 필요성에 대한 태도, 2021].

Эта тенденция объясняется тем, что деторождение несёт с собой больше потенциального риска для женщин, чем для мужчин. Часто, если женщины понимают, что материнство не совместимо с их карьерными амбициями, они отказываются от рождения (ещё одного) ребёнка, поскольку в их представлении совмещать семью и карьеру едва ли возможно.

Келси, ютубер, в подкасте о жизни в Корее уверенно заявляет, что в стране не предоставляется социальная поддержка женщинам с ребёнком, которые хотят вернуться на рабочее место¹. Хотя закон сохраняет рабочее место за ушедшей в декрет матерью, в реальности 56—59 % работающих женщин заявляют, что их компании не предоставляют или не разрешают брать отпуск по уходу за ребёнком [Joo J. S. et al., 2013]. Те же женщины, которые могли бы использовать свой отпуск, признаются, что они не могут сделать этого из-за давления на рабочем месте [Kim Y. M., 2010, pp. 155—179]. Они боятся, что, если решатся на этот шаг, по возвращении из декрета их станут оценивать хуже [Report on the Current Condition of Korean Working Moms] и это значительно усложнит их продвижение по карьерной лестнице.

Не только женщины чувствуют давление со стороны коллег. Несмотря на щедрый отпуск по уходу за ребёнком, который в РК предоставляется отцам, сами корейцы считают, что женщина должна заботиться о ребёнке дома, а мужчина должен оставаться на рабочем месте, чтобы зарабатывать деньги для семьи [Oh E., Bueno X., 2022].

Это мнение подкрепляется корпоративной культурой, в которой декретный отпуск — угроза рабочему процессу. Многие люди боятся даже брать выходные по уходу за ребёнком, чувствуя, что не могут прекратить работать, или опасаясь того, что за отгул последуют социальные санкции со стороны коллег и начальника. В интервью тридцатилетний Китэ, отец ребёнка, признаётся: «Неловко брать декретный отпуск, когда никто вокруг им не пользуется» [Oh E., Bueno X., 2022]. Таким образом, корейские мужчины являются заложниками корпоративной культуры, строгого рабочего процесса и интернализированных патриархальных взглядов.

Между тем, поскольку в конфуцианской культуре принято, чтобы женщина брала все домашние обязанности на себя, Республика Корея является одной из самых гендерно несбалансированных стран в отношении неоплачиваемого труда среди OECD [Lee Y., 2022, pp. 1—26]. В среднем мужья проводят за домашними делами 54 минуты в день, в то время как жёны тратят на это в 3,5 раза больше времени [Lee Y., 2022, pp. 1—26]. С появлением ребёнка это время увеличивает-

¹ No marriage, no babies in Korea, why? / Single life | Korean Pizza Club | EP1. URL: <https://youtu.be/JKffel7vKBU> (дата обращения: 24.04.23).

ся. Одновременно с этим партнёр, согласно патриархальной модели, начинает больше работать и меньше помогать по дому. В таких условиях женщине становится гораздо труднее балансировать между офисом и домом.

Традиционно женщины не могли совмещать материнство и работу: многие из них увольнялись, чтобы посвятить себя семье, и возвращались на рынок труда в возрасте 40 лет на должности менее престижные и менее оплачиваемые, чем те, которые они занимали до декрета [Nishimura J., Kwon H., 2016, p. 470].

Для многих нет третьего варианта: либо ты растишь ребёнка, либо строишь карьеру. *Во-первых*, потому что в РК один из самых больших разрывов в оплате труда среди стран OECD [OECD Data Gender Wage Gap]. Даже самые образованные женщины могут разочароваться, увидев, что им никогда не преодолеть разрыв между ними и мужчинами, какими бы высококвалифицированными профессионалами они ни были [Nishimura J., Kwon H., 2016, p. 476].

Во-вторых, в то время как в Европе и в Японии многие матери прибегают к работе на полставки, чтобы оставаться на рынке труда, в РК эту опцию не рассматривают, поскольку доход с подработок очень маленький. В 2015 г. доход парттаймера составлял всего 25,6 % от регулярного дохода [Nishimura J., Kwon H., 2016, p. 477]. Многим матерям кажется, что это очень мало, и в таком случае проще совсем отказаться от работы.

Отношение к материнству также оказывает серьёзное влияние на решение уйти с рынка труда. Несмотря на распространение либеральных взглядов касательно гендерных ролей, корейцы до сих пор воспринимают роль матери очень серьёзно и считают, что если она будет работать, это плохо отразится на ребёнке [Nishimura J., Kwon H., 2016, p. 479]. В восприятии корейцев женщина должна посвятить всю себя малышу, поэтому невозможно одновременно зарабатывать и быть хорошей мамой.

Такое детоцентристское отношение заставляет корейнок думать о материнстве как об угрозе их свободе. Они считают, что рождение ребёнка требует большой ответственности и жертв с их стороны. Многие опасаются, что их характер не подходит для воспитания детей: они не кажутся себе достаточно зрелыми для роли матери [Kim B. et al., 2016, p. 351]. Мысль о том, что материнство и жизнь в своё удовольствие — понятия взаимоисключающие, заставляет их отказаться от материнства ради исполнения всего того, о чём они мечтают¹.

Страх людей, что они не смогут адекватно вложиться в академический успех своего ребёнка [Kim B. et al., 2016, p. 351], тоже играет большую роль в снижении рождаемости. «Учебная лихорадка», распространённая в РК, делает содержание детей чересчур затратным [Anderson T., Kohler H., 2013]. Желание родителей вырастить конкурентоспособных и успешных детей заставляет их вкладывать много времени, денег и сил на внешкольное образование ребёнка. Отправить ребёнка в престижный университет и помочь ему устроиться в крупную компанию — задача, которая стоит перед каждым родителем в РК. Многие не хотят растить детей в атмосфере бесконечной гонки.

¹ Maibin S. Op. cit.

В современном мире ребёнок потерял центральное место в структуре семьи. Если раньше семья создавалась, чтобы вырастить потомство, то теперь молодые люди считают, что рождение детей совсем не обязательно. Многие женщины считают детей преградой на пути к полноценной жизни. Материнство сопровождается высокими социальными ожиданиями, давлением со стороны коллег, угрозой потери рабочего места и чувством незащищённости.

Заключение

Состояние социальной культуры семьи в Республике Корея является особенно интересным предметом изучения в связи с демографической ситуацией в стране.

В результате анализа влияния экономических факторов на институт семьи было выявлено, что финансовая нестабильность, напряженная корпоративная среда, культ образования и высокая конкуренция за рабочие места истощают население, приводят к отказу от рождения детей.

Анализ политических факторов выявил, что меры правительства по стимулированию рождаемости малоэффективны. В случае рождения ребёнка женщина с доходом выше среднего минимум на год лишится более 28 % своего дохода при значительном увеличении трат. Многие женщины, которым действительно было бы выгодно уйти в декретный отпуск, в силу сферы своей работы или нерегулярного характера контракта не могут претендовать на выплаты Фонда страхования занятости.

В результате анализа социальных тенденций было выявлено, что патриархальная корпоративная культура и устаревшие представления о семейной жизни давят на женщин, вынуждая их выбирать между карьерой и браком.

Кейс Республики Корея доказывает, что социально-культурные тенденции развития общества напрямую влияют на групповые семейные поведенческие характеристики. Отсутствие баланса между экономическим развитием и развитием социальной культуры семьи негативно сказывается на результативности демографической политики государства.

Библиографический список

Мерзлякова И.В. Социальная культура как основа социального благополучия человека и общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки, 2009. № 4. С. 97—100.

Министерство здравоохранения Республики Корея. Официальный сайт. URL: <http://www.mohw.go.kr/react/index.jsp> (дата обращения: 19.04.23).

Скворцов И.П. Социальная политика в контексте социальной культуры: к определению понятия / И.П. Скворцов // Власть, 2012. № 1. С. 91—94.

박중서 et. al. 한국 한국보건사회연구원정책 함의: 1997년 외환위기 이후 변화를 중심으로 [Особенности изменений в структуре корейских семей и последствия для политики: изменения полсе валютного кри-

зиса 1997 года] // 한국보건사회연구원 [Корейский центр исследований социального обеспечения], 2020. 427 с. (На кор.)

본인 자녀의 필요성에 대한 태도, 2021에 대한 학술자료, 2021. [Отношение к необходимости завести ребёнка, 2021] // KOSIS. URL: kosis.kr (дата обращения: 11.04.2023). (На кор.)

대한민국폴리시브리핑 [Политические обзоры Республики Корея]. Официальный сайт. URL: <https://www.korea.kr/main.do> (дата обращения: 19.04.23).

Anderson T., Kohler H. Education Fever and East Asian Fertility Puzzle. A Case Study of Low Fertility in South Korea // Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 11.04.23).

Average annual wage in South Korea adjusted for Purchasing Power Parity from 2000 to 2021 // STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/557759/south-korea-average-annual-wage/> (дата обращения: 20.04.23).

Average monthly expenditure on private education per student in South Korea in 2022, by household income // STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/642524/south-korea-spending-for-private-education-by-household-income/> (дата обращения: 07.04.23).

Chang H. Modernization and changing family structure in Korea: diss. — Sheffield: 1993. 330 p.

Childcare statistics, 2020 // Statistics Korea. URL: https://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1583. (дата обращения: 10.04.23).

Chun J. J. et al. The struggles of irregularly-employed workers in South Korea, 1999—2012 // UCLA Institute for Research on Labor and Employment, 2013. 22 p.

Davis K. The world demographic transition // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1945. Т. 237. № 1. P. 1—11.

ECEC Statistics of Korea: Services, Enrollment, Workforce, and Financial Resources. // KICCE Policy Brief. No. 22, 2021. 6 p.

Joo J. S. et al. Korean longitudinal survey of women and families: The 2013 annual report // Seoul: Korean Women's Development Institute, 2013.

KICCE: Korea Institute of Child Care and Education. Official Site. URL: <https://kicce.re.kr/eng/index.do> (дата обращения: 07.04.23).

KICCE Spending Survey: A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (?) // Korea Institute of Child Care and Education. URL: https://kicce.re.kr/eng/board/view.do?menu_idx=15&manage_idx=138&board_idx=44474 (дата обращения: 07.04.2023).

Kim B. et al. Marriage, Independence and Adulthood among Unmarried Women in South Korea // Asian Journal of Social Science, 2016. 351 p.

Kim E. et al. Determinants of Perceived Accessibility of Maternity Leave and Childcare Leave in South Korea // National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8507878/#B32-ijerph-18-10286> (дата обращения: 10.04.23).

Kim H., Shin E. Korea country note // International Review of Leave Policies and Research 2021. URL: <https://www.leavenetwork.org/annual-review-reports/> (дата обращения: 10.04.23).

Kim S., Finch J. Living with Rhetoric, Living against Rhetoric: Korean Families and the IMF Economic Crisis // Korean Studies, 2002. № 1 (26). P. 120—139.

Kim Y. M. Re-examination of the exclusion from social insurance coverage of non-standard employment in Korea. Soc. Welf // Policy, 2010. Т. 37. P. 155—179.

Lee J. W. et al. Survey on the current status of nationwide childcare in 2018 // Ministry of Health and Welfare, 2018.

Lee Y. Norms about childcare, working hours, and fathers' uptake of parental leave in South Korea // Community, Work & Family, 2022. P. 1—26.

MacroTrends: South Korea Birth Rate 1950—2023. Research platform. URL: <https://www.macrotrends.net> (дата обращения: 26.04.23).

Nishimura J., Kwon H. Divergence in Women's Employment in Korea and Japan: What Shapes the Different Patterns around Childbirth? // *Development and Society Research*, 2016. Vol. 45. № 3. P. 467—502.

Oh E., Bueno X. How Do Men Talk about Taking Parental Leave? Evidence from South Korea, Spain, and the U.S. // Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75645-1_9 (дата обращения: 10.04.23).

President Yoon's government policies for enhancing child-rearing // *KICCE Policy Brief*. № 23, 2022. 8 p.

Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society. OECD ilibrary. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9f4be568-en/index.html?itemId=/content/component/9f4be568-en> (дата обращения: 10.04.23).

Samsung Economic Research Institute. Report on the Current Condition of Korean Working Moms // Seoul: CEO Information, 2010.

Share of regular and non-regular workers in South Korea in 2021 // STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/1336066/south-korea-share-of-regular-and-non-regular-workers/> (дата обращения: 22.04.23).

The Change in the Cash Benefit System for Families with Infants according to the Introduction of Parental Benefits in Korea // *KICCE Policy Brief*, No. 24, 2022.

Understanding the 2019 Revised Nuri Curriculum // *KISSE Policy Brief*, No. 14, 2019.

United Nations: South Korea Birth Rate 1950—2022.

United Nations: World Population Prospects. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/KOR/south-korea/birth-rate> (дата обращения: 05.03.23).

References

Anderson T., Kohler H. Education Fever and East Asian Fertility Puzzle. A Case Study of Low Fertility in South Korea, Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com> (accessed: 11.04.23).

Average annual wage in South Korea adjusted for Purchasing Power Parity from 2000 to 2021, STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/557759/south-korea-average-annual-wage/> (accessed: 20.04.23).

Average monthly expenditure on private education per student in South Korea in 2022, by household income, STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/642524/south-korea-spending-for-private-education-by-household-income/> (accessed: 07.04.23).

Chang H. (1993) *Modernization and changing family structure in Korea*: diss. — Sheffield. 330 p.

Childcare statistics (2020), Statistics Korea. URL: https://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1583. (accessed: 10.04.23).

Chun J. J. et al. (2013). *The struggles of irregularly-employed workers in South Korea, 1999—2012*, UCLA Institute for Research on Labor and Employment. 22 p.

Daehan Minguk policy briefing. Official site. URL: <https://www.korea.kr/main.do> (accessed: 19.04.23).

Davis K. (1945) The world demographic transition, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. T. 237. No. 1: 1—11.

ECEC Statistics of Korea: Services, Enrollment, Workforce, and Financial Resources, *KICCE Policy Brief*. No. 22, 2021. 6 p.

Joo J. S. et al. (2013). Korean longitudinal survey of women and families: The 2013 annual report, Seoul: Korean Women's Development Institute.

KICCE: Korea Institute of Child Care and Education. URL: <https://kicce.re.kr/eng/index.do> (accessed: 07.04.23).

KICCE Spending Survey: A Study of Childrearing Costs and Demand for Childcare Services (?), Korea Institute of Child Care and Education. URL: https://kicce.re.kr/eng/board/view.do?menu_idx=15&manage_idx=138&board_idx=44474 (accessed: 07.04.2023).

Kim B. et al. (2016). Marriage, Independence and Adulthood among Unmarried Women in South Korea, *Asian Journal of Social Science*. 351 p.

Kim E. et al. Determinants of Perceived Accessibility of Maternity Leave and Childcare Leave in South Korea, National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8507878/#B32-ijerph-18-10286> (accessed: 10.04.23).

Kim H., Shin E. Korea country note, *International Review of Leave Policies and Research 2021*. URL: <https://www.leavenetwork.org/annual-review-reports/> (accessed: 10.04.23).

Kim S., Finch J. (2002). Living with Rhetoric, Living against Rhetoric: Korean Families and the IMF Economic Crisis, *Korean Studies*. No 1 (26): 120—139.

Kim Y. M. (2010). Re-examination of the exclusion from social insurance coverage of non-standard employment in Korea. *Soc. Welf, Policy*. T. 37: 155—179.

Lee J. W. et al. (2018). Survey on the current status of nationwide childcare in 2018, Ministry of Health and Welfare.

Lee Y. (2022). Norms about childcare, working hours, and fathers' uptake of parental leave in South Korea, *Community, Work & Family*: 1—26.

MacroTrends: South Korea Birth Rate 1950—2023. Research platform. URL: <https://www.macrotrends.net> (accessed: 26.04.23).

Merzlákova I.V. (2009). Social'naâ kul'tura kak osnova social'nogo blagopolučiâ čeloveka i obšestva [Social structure as the core of personal and social welfare], *Učenyje zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seria: Sociologičeskie nauki, 2009. No. 4: 97—100. (In Russian).

Nishimura J., Kwon H. (2016) Divergence in Women's Employment in Korea and Japan: What Shapes the Different Patterns around Childbirth? *Development and Society Research*. Vol. 45. No 3: 467—502.

Oh E., Bueno X. How Do Men Talk about Taking Parental Leave? Evidence from South Korea, Spain, and the U.S., *Springer, Cham*. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75645-1_9 (accessed: 10.04.23).

President Yoon's government policies for enhancing child-rearing, *KICCE Policy Brief*. № 23, 2022. 8 p.

Rejuvenating Korea: Policies for a Changing Society, OECD ilibrary. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9f4be568-en/index.html?itemId=/content/component/9f4be568-en> (accessed: 10.04.23).

Samsung Economic Research Institute. Report on the Current Condition of Korean Working Moms, Seoul: CEO Information, 2010.

Share of regular and non-regular workers in South Korea in 2021, STATISTA. URL: <https://www.statista.com/statistics/1336066/south-korea-share-of-regular-and-non-regular-workers/> (accessed: 22.04.23).

Skvorcov I.P. (2012). Social'naâ politika v kontekste social'noj kul'tury: k opredeleniû ponâtiâ [Social policy in the context of social culture: understanding the definition], *Vlast'*. No 1: 91—94. (In Russian).

The Change in the Cash Benefit System for Families with Infants according to the Introduction of Parental Benefits in Korea (2022), *KICCE Policy Brief*, No. 24.

The Ministry of Health of the Republic of Korea. Official site. <http://www.mohw.go.kr/react/index.jsp> (accessed: 19.04.23).

Understanding the 2019 Revised Nuri Curriculum (2019), *KISSE Policy Brief*, No. 14.

United Nations: South Korea Birth Rate 1950—2022.

United Nations: World Population Prospects. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/KOR/south-korea/birth-rate> (accessed: 05.03.23).

본인 자녀의 필요성에 대한 태도, 2021에 대한 학술자료 (Bonin janyeoui piryoseonge daehan taedo, 2021). [The attitude towards child rearing, 2021], KOSIS. URL: kosis.kr (accessed: 11.04.2023). (In Korean).

박종서 (2020). 한국 가족의 변동 특성과 정책적 함의: 1997년 외환위기 이후 변화를 중심으로 (*Park Jongseo* (2020). Hanguk gajogui byondong deukseong jeongchaekjeok hamui: 1997nyeon woehwawuigi ihu beonhwareul jungshimeuro). [Family Changes in Korea and Their Policy Implications], 한국보건사회연구원. 427 p. (In Korean).

Поступила в редакцию: 23.01.2024

Received: 23.01.2024

Принята к публикации: 06.02.2024

Accepted: 06.02.2024